

(Окончание. Начало на стр.8-9)

Ветви и корни

Независимость этой истины — как в свое время независимость истины вахтанговской или мейерхольдской, столь же очевидна, когда эта независимость столь же результативна для кода общей культуры, столь очевидна, когда она очевидна и в результате, столь очевидна, когда она очевидна в А.А. Васильеве с глубокими проблемами, которыми посвящена себя и Станиславский, и его митежские ученики. Режиссер на долгие годы углубляется в театральные философские опыты, но менее ориентирован на конечный результат — спектакль. Если Езя Гротовский через "воздушные пути" усматривает метатеатральные идеи театра как общины, Анатолий Васильев не менее Гротовского таинствен, сосредоточен на актерской внутренней технике.

Ефремов в школе-студии вытеснил курс, где учились Е.П.Козак, А.В.Федосин и другие. В 1982 году, не закончив режиссерскую мастерскую Ефремова, уже кончает Мизиян Мизиев: спектакль с Козаком и с Федосиным по пьесе С.Мрозека "Эмигранты" должен был стать его дипломной работой. Но в последний момент Ефремов отменяет спектакль. Мизиян Мизиев, не закончив режиссеру "Эмигранты" попался на рабочем столе его мастера, вложилатели не замедлили разжечь скандал. Впрочем, диплом Мизиян все-таки дал (хотя за другим, куда менее существенным спектаклем, "Семь сестер" по пьесе А.Чехова, он не успел). В 1983 году Ефремов в клуб табачной фабрики "Дукат". Потом в "перестройку" он обрел мирную прожит, в студии своей славой. А Федосин и Козак стоял в 1989 году инициаторами. Титов студия МХАТ им. Горького. В 1991 году Ефремов закончил свое существование.

"Другая группа", не реконструируя мемориальных спектаклей, открывала коренную сродность идеи МХТ в нигде и ритме своих работ, а их пульсе (в июне 1898 года Немчинов-Данченко объяснял, зачем нужна малопатяная "Чайка": "В ней бытствует пульс русской современной жизни, и зтыи она дорога"). Иное дело, какова была русская современная жизнь, когда Ефремов принял в нед Художественный театр. Времена были не столько вегетарианские, если пользоваться выражением Аины Ахматовой, сколько жугощие ияло и неопытны, искусство-

С 1980 года приходит Станислав Любшин, с 1983-го Олег Табаков и Олег Борисов. В том же году вернулась Татьяна Дороницина.

Складывалась труппа, сравниться с которой по числу и разнообразию талантов, по способности чувствовать реальность вряд ли могла какая-нибудь. Труппа, с которой — объединив ее творческой целью — вправду можно было "создать МХТ".

Пошекой (вряд ли единственной, впрочем) должно было оказаться то, что место занято. Театр, называющийся Московским Художественным театром, официально существует и собирает выезжать в отремонтированное здание в Проезде Художественного театра. Актеры труппы Ефремова — в его составе, насчитывающем более полутора тысяч человек. И абсолютное большинство тех, кто по той или иной причине работают вне "другой труппы", стопроцентно убеждены, что Художественный театр — это именно они. А против них чужаки, пришельцы, инородцы.

Ситуация совместной жизни становилась невыносимой. 24 марта 1987-го главный режиссер обратился к труппе МХАТ СССР имени Горького: "В существующих организационных условиях, в обстановке творческой глухоты и безделья многих актеров идея Художественного театра не имеет никаких перспектив. Если же сделать попытку реорганизации, то..."

Слово "гибель" применительно к Театру – мы помним – было произнесено и ранее. Олег Ефремов впервые сказал о том, что гибель угрожает идее Театра.

Она в самом деле поговяла, изнуренная десятилетиями существования в театре, давным-давно уже не жившего с заглавной буквы, давно уже ставшего из необыкновенного – обыкновенным и даже не лучшим, но претендующим на то, чтобы иметь неотъемлемый государственный статус лучшего.

Имелся вариант автономии: "Сцена в Проезде Художественного театра" и "Сцена на улице Москвитина" в объединении "Художественный театр", каждая со своим репертуаром и своими режиссерами, как оно фактически и было уже. Накануне дня, когда этот вариант голосовался, партийное собрание вынесло решение о недопустимости раздела. Автономия все же была принята, потом сменявшаяся полной суверенностью частей.

Наличие к моменту раздела спектакля пришлось распределить между художественными и техническими работниками. Как всегда в моменты разлада, стало ясно: при невозможности оставаться вместе идти к разрыву. При этом, общие вещи, быт, жилье. Там, где росло, горюшило, врань.

Вспомогательные артисты, в основном, были не артистами, а балетщиками, искусственно обаяющими в разводе да не имея сил, чтобы с кем-то. Любими Станислав и Прудкина, Ефремова, Сымокутовского, Евстигнеева, Невинного, Калугина, Табакова, — любими Татьяны Владимировны Дорониной, любими Анастасию Платоновну Зусу, любими Анастасию Александровну Соргинскую, любими Елизавету Александровну Мухоморову, — любими не только недавно. Господня Господних! актриса вводила свою ноту — тоскливую, аязовую, параскаволю личину. Любими по воспитанным детства "Спокою гряди" и любими по

Журналистское воронье, которое облагает через несколько лет, в первый раз безнаказанно слеталось на покой. Расклеивало и растаскивало.

Тот театр, который занял помещение на Тversком бульваре, сохранил наименование "Московский Художественный театр имени М. Горького" (у входа значится: "МХАТ России им. Горького"). Тот театр, который играет в Камергерском переулке, назвался "МХАТ имени А. П. Чехова".

В сумятице состав обоев вряд ли мог определиться обдуманно гармонично; внутри отъединившихся трупп долго и бесплодно срабатывала инерция разделения. Многое было потеря-

Но. Надо было жить и исполнять свои обязанности.

Нить каждой жизни – нить каждой памяти непрерывна и многогранна. Кажется, черное в ней должно преобладать, но, оглядываясь назад, видишь больше яркое. В этой пестроте прошедшей радости неприменен театр, прежде всего – художественный. Куда мысли начали водить (вернее, возить, жили не в центре) где-то в середине тридцатых годов. А до тех пор именно михатовские спектакли осязали старшее поколение нашей вчерашней семьи, тагикских обывателей. На этакерке рядом стояли томки старого издания Чехова и книги Николая Эфроса. На стене,

Если бы

(немного о том же Художественном театре.)

Елена ПОЛЯКОВА

рядом с дедовой фотографией, — Чехов. В альбоме мещались свои сестры, три сестры, Пята Трофимов-Качалов, для Пети непозволительно красивый, Станиславский — Вершинин, Астров. Его особенно любил дядя Федя, человек чеховско-астровский внешности и земских убеждений. Отходящий свес по 58 лет (рассказывал антисоветские анекдоты коллегам и пациентам), но увлещивал, даже не потерявший любви к анекдотам, он говорил, прилепившая чай из старого подстаканника: "Я ведь и там Вершинина вспоминал. Как Станиславский тосковал. "Чая хочется... Погложет за стакан чаю".

Непрерывно вспоминая этого старшего поколения, их предвзвешенные очереди за дешёвыми билетами во всю длину Камергерского переулка, лысым дядюшкой Анатолем, норвежским пастором из Берга, а также Бейку, в то время холостым, к которому почему-то, в то же время понятно почему, никак не могли перебраться в Москву. В память моего следующего поколения — серьёз одноклассником Чехова, изумительным, именно для нас, школьников, собранным Голосиным с комсомольскими, а не коммунистическими, идеями, Ливановым, Хмельниковым, радом — на «перомоторд-7-го Б», несчастие выезде из театр — в Камергерский, уже переименованный в «проезд Художественного театр» или в его филиал, который возмущал нас, школьников, «привнесением» в «Худ. театр» «Синагогу» и «Голубое сердце» — «Худ. театр» уже «Голубое сердце», только что разрешённый в новой редакции, то есть без всякой мистики! «переведшимся» дуи».

Весной 1938 года мать и ее сестры дружно рыдали: умер Шаялин! Летом, в июле, в душном августе, они рыдали не менее дружно; все могли бы подписаться под строчками Фаины Ревеской. Впрочем, эти строки о летнем тридцать восьмом опубликованы в девятност шестом номере «Сов. культуры».

«Обычно, проходя мимо газетного киоска, покупала газету. В ней оказалась траурная рамка с извещением о кончине Сталинского. Я заплакала, но это был не плач, а слезы радости. Я была счастлива, что явилась свидетелем кончины Сталина».

И так шло до сентября, когда не переставая пласть. Киоскусы на постель и на чаша нормально плакать. Не забуду до смертного часа его на сцене. И сейчас вижу явил явил собой его Гаека. Крутилось, Ас...

Полки, выписки об автоматике, Тевдросович, об одиночестве в своем театре. Театр жалится в пропасть по коммерческим рельсам. Бедный, бедный Киселёв! Театр не может выжить. Портрет сталовского. Реж. Владимир Мухомович. Правительство в ложе. Труп на сцене. В полной силе еще «старик». Москвитин. Леонидов. Качалков. Киплер. В полном расцвете второе поколение. Живопись. «На дне». До «Врагов». «Живое слово». «Анна Каренина», и в кинофильме те же лица, и в концертах непрерывные темы «Турбин» Качалова — Мизансцена. «Восхождение к солнцу». «Восхождение к солнцу» возникнут. Три сестры. Сколько раз будут они видены слышны? Кажется ушедшая жизнь, военные слыши — красавицы, лейтенанты, в гимназических платьях, в белых платьях, в белых платьях, с погонями, да вы пойдёте из своих

его-то и жалче больше всех. Жужжание
волчка, виолончельный голос Еланской:
"Музыка играет так весело, так радостно,
и кажется, еще немного и мы узнаем, за-
чем мы живем, зачем страдаем... Если бы
знать, если бы знать!"

Конечно же, великим подарком нам, эвакуированным в Саратов, стал приезд эвакуированного МХАТа осенью сорок первого. Сначала слухи — МХАТ идет! Потом реальность — утром вылезли по улице закутанную арфу из оперного твиста — значит, вечером будет «Школа зловещая». Андреевская заиграла на этой арфе, Яншин ей подпевал на флейте: «Тулубок и горлица». Прошел Тарасова в белом пуховом платке над темными бровями: вечером «Анна Каренина» в сформированном. Венские стулья, в салоне Бетси Твел-

ской доброты к чаю "жур" – вроде бы пирог, но без начинки. Женщины в зале одеты более чем бедно, все же у каждой шарфик на шее, брошечка у воротника. Штатный мужчине достаточно (в саратовском цирке) – одеть предпринимателя ("белый"), но преобладают военные, иногда раненные у ушка руга на повязке, кто на костылях. Возвращаемся из театра гурьбой, в жестокой мороз, в еле ползущем трамвае, стекла которого густо замзаны синими – Сталинград рядом, начинаются налеты и на саратовские холмы. На следующий день в заводской столовке, где "белый" получил тарелку калачей, "мне бы погулять", говорит: "мне бы помянуть"

Наш век — век аббревиатур. Слов сокращенных — "Главтот", "Главискусство". "Ленком", слов сокращенных, образующих как бы новые слова: "СССР", "ЗАГС", совсем уж загадочные "театр имени МГСПС" или "Лоспс". Наименованный при рождении

Художественно-общественным, МХОТ просуществовал недолго, стал просто Художественным "МХТ" — понятие, но труднопонимаемое; новая гласная "А" определявшая статус после революции, одновременно обозначила привилегированное, особое положение и сделала слово по-русски протяженным: "МХАТ". "Мхатовцы приехали". Слово обжило в десятилетиях. В Москву МХАТ вернулся уже осенью 42-го года, и мы снова стояли в тех же длиннейших очередях со списками, но-ментами, полномочиями.

Черный, вольный». В театре, в котором, как и в центральном подвале, в это время актеры сидели как в репетиции, всегда удобный Станицын, всегда следный Хмелев, режиссерый Шаевичев, тростинка-Степанова, продающая вонючую вешалку, дождались, когда сядет убогий, и с легким тросточкой. Похожие, сразу сложились — братья и разные, как братья. Москва и Тарханов. Михаил Михайлович Тарханов был тогда художественным руководителем театра. Он был из тех, кто на театроведческий я, конечно, писала рецензию о «Трех сестрах». В ГИТИСе так разнообразно, так полигонодно, так приятно (с заметными черными ясными пятнами) шумели, репетировали, а Станицына, как и Шаевичева, в театре Станицынского слушали. Правдивые савдари, то грузинско-литовская, то еврейско-татарская; в подвальном-театром бугете прехватывали лиловый винегрет с куском сапелло, наливали в графинный стаканчик, и разбавляли по театрам. С птисомским студенческим билетом было, конечно, легко. На просмотре генеральные приходилось ломиться, устраивать органо-защитные мероприятия, а в театре такти администрации редко отказывали в контрмере: «без мистки», «росяк-подвали», и ты раздвинулся на вешалке, с которой, как известно, начинается театр, долгие выборы, или сразу «сидишь» на стуле, и ты сидишь, и ты сидишь, «сидишь», молеща: «чтобы не пришли, чтобы не пришли». Если появлялся законный обладатель мистки — приходилось выбираться из яды и сидеть на стульчике, а не топтать парусника, сидящего на по-

● На репетиции
"Перламутровой Зиланды"